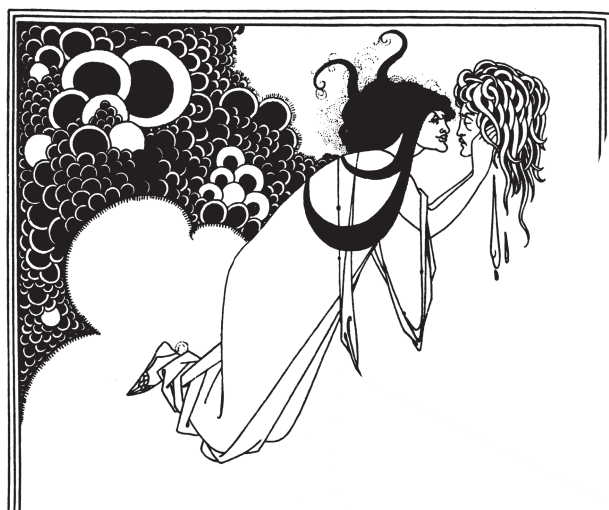

ОСКАР УАЙЛЬД

ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ

•
САЛОМЕЯ

•
СКАЗКИ

Москва
2025

УДК 821.111-82
ББК 84(4Вел)-44
У13

Уайльд, Оскар.

У13 Портрет Дориана Грея ; Саломея ; Сказки / Оскар Уайльд ; [иллюстрации Обри Бёрдслея, Симеона Фернана, Теодора Робинсона ; перевод Марии Абкиной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с. : ил. — (Время для классики).

ISBN 978-5-04-196334-7

Оскар Уайльд — один из самых ярких представителей английской литературы XIX века. В этом сборнике собраны три выдающихся произведения автора: гениальный роман «Портрет Дориана Грея», драматическая поэма «Саломея» и замечательные сказки, призывающие задуматься о любви, сострадании и смысле жизни.

Издание иллюстрировано рисунками сразу трёх художников: Обри Бёрдслея — модерниста, современника и друга Уайльда; парижского мастера гравюры Семииона Фернана, а также американского импрессиониста Теодора Робинсона.

УДК 821.111-82
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-196334-7

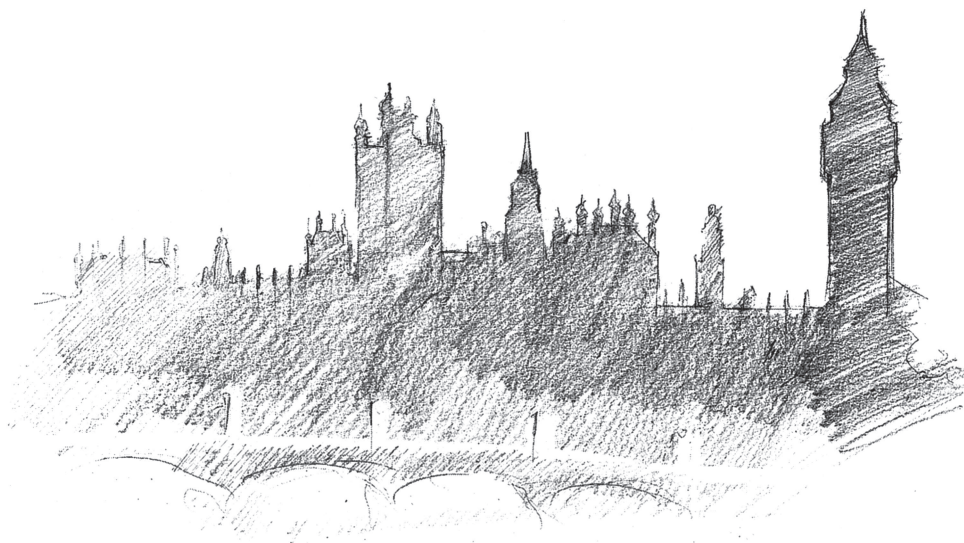
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ЗЕРКАЛА ОСКАРА УАЙЛЬДА

Будущий новатор английского декаданса родился в Дублине и на всю жизнь сохранил гордость и свободомыслие ирландского духа. Его мать писала стихи для революционного движения и с юных лет прививала сыновьям способность мыслить независимо. Особенно её идеи повлияли на впечатлительного младшего сына, будущего писателя и драматурга.

Свою жизнь в искусстве Оскар Уайльд начал с поэзии и относил себя к обществу *poète maudit*, что в переводе с французского «проклятые поэты» — к тем, кто живёт в конфликте с обществом и не оглядывается на чужое мнение. Это обстоятельство во многом предопределило творческий и жизненный путь Оскара и даже сыграло роковую роль в его судьбе.

На заре литературной славы, в одном из путешествий по Фландрии, он встретил старинную гробницу рыцаря. «Настанет час расплаты за всё», — гласила надпись на надгробии. Оскар запомнил предзнаменование, но тогда не принял близко к сердцу. Вызов общественным нормам в итоге привёл его к судебному приговору.

После тюрьмы Уайльд прожил совсем немного и умер в возрасте 46 лет, забытый большинством литературных друзей и многочисленных протеже, которым не раз помогал в публикациях. Он утратил всё, чем обладал, но самое печальное, что тюрьма подкосила его здоровье и финансовое положение и он мало писал в последние годы жизни.

«Лишь современному суждено стать старомодным», — считал Уайльд, впервые эта мысль появилась в эссе «Упадок искусства лжи». Его творения изначально не претендовали на острую злободневность, но остались в веках.

Львиная доля его знаковых произведений приходится на 1890-е. Список, сравнимый с настоящим творческим марафоном, открывает роман «Портрет Дориана Грея», созданный в 1890 году всего за три недели.

«Моя первоначальная идея была написать о молодом человеке, продающем душу за вечную молодость», — объяснял в письме Уайльд своему издателю.

Символическое зеркало, черты которого обретает портрет героя, появляется и в сказках автора, например, в «Дне рождения инфанты». Уайльда волновала двойственность человеческой натуры, неуловимая мимолётность красоты и неизбежное искажение правды.

«Зеркала отражают одни лишь маски», — напишет он в своём следующем произведении. В 1891-м появится пьеса «Саломея». Главная роль в ней могла достаться идолу французской сцены Саре Бернар, но пьесу запретили, и зрителю не суждено было увидеть Танец Семи Покрывал в её исполнении.

Однако через три года пьеса выйдет отдельным изданием в оформлении Обри Бёрдслея, английского художника-модерниста. Каллиграфическая тонкость линий наталкивает на мысль, что перед нами гравюры, но рисунки к «Саломее» выполнены тушью. В них художник достигает пика изобразительного мастерства. И сама пьеса, и рисунки к ней вызывали общественный

резонанс, а Бёрдслея поставили в ряд выдающихся символистов эпохи декаданса. Что касается постановки «Саломеи», она увидела свет лишь в 1896 году, когда автор уже находился в Редингской тюрьме и не мог лично оценить её успех.

Сказки Уайльда относятся к более раннему периоду его творчества, но в них не меньше, а возможно, и больше отражается подход автора к художественному воплощению идей нового эстетизма. Каждый персонаж сказки — одновременно и символ, и герой. Ласточка, влюблённая в Тростник, позже отвергает его ради

Принца. Но вскоре погибает, и только в невозможности их любовь достигает совершенства.

«В Вас тоже живёт любовь к невозможному — l'amour de l'impossible (или как там люди называют это?)», — заметил Уайльд в письме к одному из своих лондонских знакомых. — Когда-нибудь Вы, как и я, обнаружите, что такой вещи, как романтический опыт, не существует. Наши самые пламенные мгновения экстаза — только тени того, что мы ощущали где-то ещё».

Тень. Отражение. Не сам предмет его увлекает, а то, как он отображён.

Кроме романа, пьес и сказок Оскар Уайльд оставил значительный след в искусстве в письмах, эссе и лекциях по литературе. Он ездил в турне по Америке, где при полных залах рассказывал студентам об эстетизме. Его влияние не ограничивается лишь литературой. Он стал культурным явлением своей эпохи.

При жизни Уайльд подвергался злобным нападкам прессы как в театральной среде, так и в личных делах, его изображали в шаржах и безжалостно переиначивали его слова. До зрелости он не мог избавиться от раздражения к журналистам и биографам. Избегал прямых разговоров о себе, но совершенствовал искусство иносказания и умолчания. Поэтому попытку раскрытия такой сложной натуры, как Уайльд, можно предпринять разве что через его произведения.

В данном издании собраны самые яркие творения автора как представителя эстетизма. Они помогут познакомиться с культурным феноменом Оскара Уайльда — «ирландского остроумца», интеллектуала и одного из основателей европейского модернизма, без которого немыслима английская и мировая литература.

Дарья Пожарова

ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Художник — тот, кто создаёт прекрасное. Раскрыть людям себя и скрыть художника — вот к чему стремится искусство.

Критик — это тот, кто способен в новой форме или новыми средствами передать своё впечатление от прекрасного.

Высшая, как и низшая, форма критики — один из видов автобиографии.

Те, кто в прекрасном находят дурное, — люди испорченные, и притом испорченность не делает их привлекательными. Это большой грех.

Те, кто способен узреть в прекрасном его высокий смысл, — люди культурные. Они не безнадёжны. Но избранник — тот, кто в прекрасном видит лишь одно: Красоту.

Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо. Вот и всё.

Ненависть девятнадцатого века к Реализму — это ярость Калибана, увидевшего себя в зеркале. Ненависть девятнадцатого века к Романтизму — это ярость Калибана¹, не находящего в зеркале своего отражения.

Для художника нравственная жизнь человека — лишь одна из тем его творчества.

Этика же искусства — в совершенном применении несовершенных средств.

Художник не стремится что-то доказывать. Доказать можно даже неоспоримые истины. Художник не моралист. Подобная склонность художника даёт непростительную манерность стиля. Не приписывайте художнику нездоровых тенденций: ему дозволено изображать всё.

Мысль и Слово для художника — средства Искусства. Порок и Добродетель — материал для его творчества. Если говорить

---

¹ К а л и б а н — персонаж пьесы Шекспира «Буря», четвероногое чудовище, олицетворение тёмных сил, уродства, невежества.

о форме — прообразом всех искусств является искусство музыканта. Если говорить о чувстве — искусство актёра.

Во всяком искусстве есть то, что лежит на поверхности, и символ. Кто пытается проникнуть глубже поверхности, тот идёт на риск.

И кто раскрывает символ, идёт на риск. В сущности, Искусство — зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь. Если произведение искусства вызывает споры — значит, в нём есть нечто новое, сложное и значительное.

Пусть критики расходятся во мнениях — художник остаётся верен себе.

Можно простить человеку, который делает нечто полезное, если только он этим не восторгается. Тому же, кто создаёт бесполезное, единственным оправданием служит лишь страстная любовь к своему творению.

Всякое искусство совершенно бесполезно.

Оскар Уайльд

ГЛАВА I

Густой аромат роз наполнял мастерскую художника, а когда в саду поднимался летний ветерок, он, влетая в открытую дверь, приносил с собой то пьянящий запах сирени, то нежное благоухание алых цветов боярышника.

С покрытого персидскими чепраками дивана, на котором лежал лорд Генри Уоттон, куря, как всегда, одну за другой бесчисленные папиросы, был виден только куст раkitника — его золотые и душистые, как мёд, цветы жарко пылали на солнце, а трепещущие ветви, казалось, едва выдерживали тяжесть этого сверкающего великолепия; по временам на длинных шёлковых занавесях громадного окна мелькали причудливые тени пролетающих мимо птиц, создавая на миг подобие японских рисунков, — и тогда лорд Генри думал о желтолицых художниках далёкого Токио, стремившихся передать движение и порыв средствами искусства, по природе своей статичного. Сердитое жужжание пчёл, пробиравшихся в нескошенной высокой траве или однообразно и настойчиво круживших над осыпанной золотой пылью кудрявой жимолостью, казалось, делало тишину ещё

более гнетущей. Глухой шум Лондона доносился сюда, как гудение далёкого органа.

Посреди комнаты стоял на мольберте портрет молодого человека необыкновенной красоты, а перед мольбертом, немного поодаль, сидел и художник, тот самый Бэзил Холлуорд¹, чьё внезапное исчезновение несколько лет назад так взволновало лондонское общество и вызвало столько самых фантастических предположений.

Художник смотрел на прекрасного юношу, с таким искусством отображённого им на портрете, и довольная улыбка не сходила с его лица. Но вдруг он вскочил и, закрыв глаза, прижал пальцы к векам, словно желая удержать в памяти какой-то удивительный сон и боясь проснуться.

— Это лучшая твоя работа, Бэзил, лучшее из всего того, что тобой написано, — лениво промолвил лорд Генри. — Непременно надо в будущем году послать её на выставку в Гровенор². В Академию не стоит. Академия слишком обширна и общедоступна³. Когда ни придёшь, встречаешь там столько людей, что не видишь картин, или столько картин, что не удаётся людей посмотреть. Первое очень неприятно, второе ещё хуже. Нет, единственное подходящее место — это Гровенор.

— А я вообще не собираюсь выставлять этот портрет, — отозвался художник, откинув голову по своей характерной привычке, над которой, бывало, подтрунивали его товарищи в Оксфордском университете. — Нет, никуда я его не пошлю.

Удивлённо подняв брови, лорд Генри посмотрел на Бэзила сквозь голубой дым, причудливыми кольцами поднимавшийся от его пропитанной опиумом папиросы.

---

¹ Исследователи творчества Уайльда признают прототипом Бэзила Холлуорда друга писателя — живописца Бэзила Уорда, в мастерской которого Уайльд видел натурщика, чьи черты он придал впоследствии облику Дориана Грея.

² Гро́венор — основанная К. Линдсеем в 1877 г. частная картинная галерея на площади Гровенор в центральной части Лондона, где было сосредоточено творчество представителей импрессионизма и иных неакадемических течений в живописи конца XIX в.

³ Академия — Королевская Академия художеств, существующая с 1768 г., цитадель традиционного искусства.

— Никуда не пошлешь? Это почему же? По какой такой причине, мой милый? Чудаки, право, эти художники! Из кожи лезут, чтобы добиться известности, а когда слава приходит, они как будто тяготятся ею. Как это глупо! Если неприятно, когда о тебе много говорят, то ещё хуже, когда о тебе совсем не говорят. Этот портрет вознёс бы тебя, Бэзил, много выше всех молодых художников Англии, а старым внушил бы сильную зависть, если старики вообще ещё способны испытывать какие-либо чувства.

— Знаю, ты будешь надо мною смеяться, — возразил художник, — но я, право, не могу выставить напоказ этот портрет... Я вложил в него слишком много самого себя.

Лорд Генри расхохотался, поудобнее устраиваясь на диване.

— Ну вот, я так и знал, что тебе это покажется смешным. Тем не менее это истинная правда.

— Слишком много самого себя? Ей-богу, Бэзил, я не подозревал в тебе такого самомнения. Не вижу ни малейшего сходства между тобой, мой черноволосый суроволицый друг, и этим юным Адонисом¹, словно созданным из слоновой кости и розовых лепестков. Пойми, Бэзил, он — Нарцисс, а ты... Ну, конечно, лицо у тебя одухотворённое и всё такое. Но красота, подлинная красота, исчезает там, где появляется одухотворённость. Высокоразвитый интеллект уже сам по себе некоторая аномалия, он нарушает гармонию лица. Как только человек начнёт мыслить, у него непропорционально вытягивается нос, или увеличивается лоб, или что-нибудь другое портит его лицо. Посмотри на выдающихся деятелей любой учёной профессии — как они уродливы! Исключение составляют, конечно, наши духовные пастыри, — но эти ведь не утруждают своих мозгов. Епископ в восемьдесят лет продолжает твердить то, что ему внушали, когда он был восемнадцатилетним юнцом, — естественно, что лицо его сохраняет красоту и благообразие. Судя по портрету, твой таинственный молодой приятель, чьё имя ты упорно не хочешь назвать, очарователен, — значит, он никогда ни о чём не думает. Я в этом совершенно убеждён. Наверное, он — безмозглое и прелестное божье создание, которое нам следовало бы всегда иметь перед собой: зимой, когда

---

¹ Адонис — в древнегреческой мифологии прекрасный юноша, спутник и возлюбленный Афродиты, богини любви и красоты.

нет цветов, — чтобы радовать глаза, а летом — чтобы освежать разгорячённый мозг. Нет, Бэзил, не льсти себе: ты ничуть на него не похож.

— Ты меня не понял, Гарри, — сказал художник. — Разумеется, между мною и этим мальчиком нет никакого сходства. Я это отлично знаю. Да я бы и не хотел быть таким, как он. Ты пожимаешь плечами, не веришь? А между тем я говорю вполне искренне. В судьбе людей, физически или духовно совершенных, есть что-то роковое — точно такой же рок на протяжении всей истории как будто направлял неверные шаги королей. Гораздо безопаснее ничем не отличаться от других. В этом мире всегда остаются в барыше глупцы и уроды. Они могут сидеть спокойно и смотреть на борьбу других. Им не дано узнать торжество побед, но зато они избавлены от горечи поражений. Они живут так, как следовало бы жить всем нам, — без всяких треволнений, безмятежно, ко всему равнодушные. Они никого не губят и сами не гибнут от вражеской руки... Ты знатен и богат, Гарри, у меня есть интеллект и талант, как бы он ни был мал, у Дориана Грея — его красота. И за все эти дары богов мы расплатимся когда-нибудь, заплатим тяжкими страданиями.

— Дориана Грея? Ага, значит, вот как его зовут? — спросил лорд Генри, подходя к Холлуорду.

— Да. Я не хотел называть его имя...

— Но почему же?

— Как тебе объяснить... Когда я очень люблю кого-нибудь, я никогда никому не называю его имени. Это всё равно что отдать другим какую-то частицу дорогого тебе человека. И знаешь — я стал скрытен, мне нравится иметь от людей тайны. Это, пожалуй, единственное, что может сделать для нас современную жизнь увлекательной и загадочной. Самая обыкновенная безделица приобретает удивительный интерес, как только начинаешь скрывать её от людей. Уезжая из Лондона, я теперь никогда не говорю своим родственникам, куда еду. Скажи я им — и всё удовольствие пропадёт. Это смешная прихоть, согласен, но она каким-то образом вносит в мою жизнь изрядную долю романтики. Ты, конечно, скажешь, что это ужасно глупо?

— Нисколько, — возразил лорд Генри. — Нисколько, дорогой Бэзил! Ты забываешь, что я человек женатый, а в том и состоит

единственная прелесть брака, что обеим сторонам неизбежно приходится изощряться во лжи. Я никогда не знаю, где моя жена, и моя жена не знает, чем занят я. При встречах, — а мы с ней иногда встречаемся, когда вместе обедаем в гостях или бываем с визитом у герцога, — мы с самым серьёзным видом рассказываем друг другу всякие небылицы. Жена делает это гораздо лучше, чем я. Она никогда не запутается, а со мной это бывает постоянно. Впрочем, если ей случается меня уличить, она не сердится и не устраивает сцен. Иной раз мне это даже досадно. Но она только подшучивает надо мной.

— Терпеть не могу, когда ты в таком тоне говоришь о своей семейной жизни, Гарри, — сказал Бэзил Холлуорд, подходя к двери в сад. — Я уверен, что на самом деле ты прекрасный муж, но стыдишься своей добродетели. Удивительный ты человек! Никогда не говоришь ничего нравственного — и никогда не делаешь ничего безнравственного. Твой цинизм — только поза.

— Знаю, что быть естественным — это поза, и самая ненавистная людям поза! — воскликнул лорд Генри со смехом.

Молодые люди вышли в сад и уселись на бамбуковой скамье в тени высокого лаврового куста. Солнечные зайчики скользили по его блестящим, словно лакированным листьям. В траве тихоночко покачивались белые маргаритки.

Некоторое время хозяин и гость сидели молча. Потом лорд Генри посмотрел на часы.

— Ну, к сожалению, мне пора, Бэзил, — сказал он. — Но раньше, чем я уйду, ты должен ответить мне на вопрос, который я задал тебе.

— Какой вопрос? — спросил художник, не поднимая глаз.

— Ты отлично знаешь какой.

— Нет, Гарри, не знаю.

— Хорошо, я тебе напомню. Объясни, пожалуйста, почему ты решил не посылать на выставку портрет Дориана Грея? Я хочу знать правду.

— Я и сказал тебе правду.

— Нет. Ты сказал, что в этом портрете слишком много тебя самого. Но ведь это же ребячество!

— Пойми, Гарри. — Холлуорд посмотрел в глаза лорду Генри. — Всякий портрет, написанный с любовью, — это,